

В. Кулаков

**ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ
АРЕНА**

Владимир Кулаков

Там, где кончается арена...

«Горизонт»

2018

Кулаков В. А.

Там, где кончается арена... / В. А. Кулаков — «Горизонт», 2018

Книга Владимира Кулакова "Там, где кончается арена..." является продолжением повествования о цирке. Для того, чтобы понять душу цирковых, их чаяния, вообще что это за люди, живущие на планете Земля, следует прочитать трилогию "Сердце в опилках", "Последняя лошадь" и "Под куполом небес". В этих произведениях автор попытался раскрыть огромную тему жизни людей цирка с момента, когда они попадают в этот удивительный мир манежа и как проходит их жизнь в этом магическом кольце. "Там, где кончается арена..." дополняет картину, повествуя о непростом времени, когда нужно покинуть арену в силу тех или иных обстоятельств. Что чувствуют цирковые, как ведут себя, как живут, и живут ли вообще? Ответ вы найдёте на страницах, которые перед вами. В книге, как всегда, много юмора и мелодраматических эпизодов. Это делает повествование объёмным и динамичным. Книга читается на одном дыхании. Откройте её – не пожалеете...

© Кулаков В. А., 2018

© Горизонт, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	33
Глава девятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кулаков В. А.

Там, где кончается арена Роман

В цирке есть поверье – переступившему барьер манежа назад пути нет.

Почему?

Цирк – великий вор.

Он крадёт наши сердца. Навсегда.

Прячет их в опилках своего тринадцатиметрового кольца.

А как жить без сердца?

Поэтому из цирка редко кто уходит.

А если и уходит – то очень страдает.

А если не страдает – то у него никогда и не было сердца...

Глава первая

Володька Никонов колесил по слякотной Москве на своём раздолбанном «Опеле» с неработающими омывателем и печкой. Было холодно, изо рта шёл пар. Вроде конец марта, а весной в Москве и не пахло. Обильно посыпанные на столицу реагенты развезли на дорогах месиво, что водителей больше бесило, нежели радовало. Щётки размазывали грязь по лобовому стеклу, и через какое-то время ни черта не было видно. На светофорах, пользуясь остановкой, Никонов виртуозно вытягивался из приоткрытого окна и поливал лобовое стекло водой из бутылки. Иногда он ухитрялся это проделывать на ходу. «Дворники» в мгновение ока делали перспективу светлой и ясной. Но ненадолго. Он тихо матерился. Вот уже третья пустая бутылка валялась на коврик под пассажирским сиденьем. Оставалась вот эта, финальная...

Никонов был в отчаянии. Сегодня, все как сговорились. Приезжаешь по адресу: «Я такой-то, по объявлению». Короткий взгляд, беглый осмотр снизу вверх, пауза, ответ: «Место занято, опоздали, только что взяли...» По лицам было видно, что врут, но поди проверь. Володька разворачивал свой уставший от жизни и прожитых лет «Опель» и ехал по следующему адресу, гадаясь, что ситуация будет такой же.

Он мыкался с дочкой в Москве один. Крутился как мог, чтобы оплачивать её недешёвые занятия балными танцами и спецшколу с углублённым знанием английского языка. Его Ирка моталась по свету, дорабатывая в известном воздушном полёте, понимая, что её песня тоже на последнем куплете – возраст! Выслала им какие-то деньги, сама летая «на парю». Володька работал то чоповцем в какой-то там фирме, где его быстро сократили, то грузчиком в мебельном магазине, то сторожем на складе строительных материалов, то в гипермаркете катал тележки. Одно время повезло – мыл машины. Не брезговал ничем – не до жиру и сантиментов! Везде платили копейки, а требовали, как с министра. На работу каждый раз принимали с трудом – мужик крепкий, но, увы, «с пробегом»... Как-то так само получалось, что нигде долго не задерживался. Правдолюб, привыкший к честной работе, не терпевший халтуры и наплеваательства, вечно попадал в какие-то ненужные скандалы и разборки. Кому такой нужен!..

Единственное, что давало хоть какую-то стабильность и защиту, – это их жильё, которое он когда-то, на заре своей карьеры, купил после гастролей в Японии. Хорошая двушка в престижном районе на юго-западе Москвы. Тогда это можно было сделать на раз, если повезло побывать в стране самураев. В то время многие стали москвичами...

Осенью пришлось сдать свой подземный гараж в бессрочную аренду до лучших времён. А когда они настанут, эти «лучшие времена», он даже себе и представить не мог – настолько всё казалось беспросветным, как сегодняшнее небо в грязных облаках.

Стрелка уровня бензина стремилась к красной зоне, время – к полудню, жизнь – к закату и тупику.

Никонов пошарил в кармане куртки. Вытащил несколько смятых купюр, бегло взглянул. «Да-а!.. На полбака хватит, и всё». Денег от аренды гаража хватало только на оплату школы для дочери. Хорошо хоть так...

Бедро защекотал виброзвонок телефона. Его трели едва слышались под курткой. Там бодро звучал выходной марш Дунаевского из кинофильма «Цирк».

«Кто-то из наших!» Никонов нашарил телефон и прижался к тротуару. Стекло было заляпано до предела, вода кончилась. Вовремя...

– Фил, привет! Это я, Сарелли! Ты где?

– Привет, Саня! Я? Я в ж-ж... – Никонов не стал уточнять где он по состоянию дел на сегодня. – В машине!

– Слушай, с Ангарой совсем беда! Витька опускается с каждым днём. Никак не могу забрать его к себе – не едет, собака! Никак не уговорю. Бухает, в тоске совсем зачах. Это ещё его Танька, сука!.. Что будем делать?

– Откуда я знаю! У самого, как у проктолога...

– В смысле?

– Куда ни ткни – задница... С работой – ноль. Сегодня три адреса объехал, вот ещё один остался. Решаю, ехать не ехать.

– В униформу на Вернадского пробовал?

– Пробовал. Разговаривал с Костюком. Лёня – он директор нормальный, сам знаешь, из цирковых. Обещал перезвонить. Пока у него всё занято. И в Старый цирк на Цветной заезжал. Везде аншлаг, штат забит. Опять же обещали позвонить, если что.

– Может, к Шаху заедешь в Главк? Он там теперь начальник. Последнее время не звонит, отдалился.

– Заеду. Трубку, и правда, не берёт. Странно...

– Ладно, давай, будь!

– Буду...

Никонов, он же Фил, хлопнул дверью, пошёл к киоску купить минералки, которую собирался пролить на лобовое стекло машины, как свет – на свою сегодняшнюю жизнь...

...Вовка Никонов приехал поступать в цирковое училище из Воронежа. Родился он там на улице местного поэта Ивана Саввича Никитина, там и вырос. Уродился романтиком, с поэтической душой. Мечтал о странствиях и путешествиях. Так что ему прямая дорога была в цирк.

Однажды случайно увидел в городе объявление, стал заниматься в цирковой студии. Попробовал себя в нескольких жанрах, но не определился, какому из них отдать предпочтение. Парень рослый, для подростка хорошо сложенный. Отличался статью и крепким торсом. Но поступить в ГУЦЭИ с первого раза не удалось. На физкультурно-акробатическое отделение брали тридцать пять парней и пятнадцать девушек. Всего пятьдесят человек, включая «посланников братских республик», места которым были гарантированы. Конкурс был невероятным! Ни одно учебное заведение страны не могло похвастаться таким количеством желающих поступить. Ну, разве что ВГИК... Около ста человек на одно место! Шансов – практически никаких. Но Никонов добился своего, хоть и со второго раза. Он заметно выделялся среди абитуриентов. У педагогов циркового училища глаз был намётан...

С прозвищем Никонова всё обстояло сложнее. Вначале, естественно, он был «Никоном». Потом у кого-то выскочило – «отец Аввакум». Позже от местных остряков прилипло – «Филарет». Потом ленивцы сократили и стали звать на иностранный манер – «Фил». Так и осталось навеки. При необходимости официально представлялся: «Никонов! – И через паузу, с удовольствием: – Фил!..»

С Сарелли они подружились молниеносно. Никонов узнал, что тот тоже родился в Воронеже, когда его родители были там на гастролях. Так или иначе – земляк! Это обстоятельство и стало решающим.

Сашка Сарелли, несмотря на все конкурсы, поступил в училище циркового и эстрадного искусства играючи. Путь его был предопределён раз и навсегда. В цирке род Сарелли был известен давно, ещё до революции. Другой жизни Сашка не ведал и не желал знать. Родился, как принято говорить, «в опилках», так обычно характеризуют всех потомственных цирковых. Но о нём это можно было сказать практически в прямом смысле. Цирк вошёл в него с первым вздохом и криком, который возвестил о его рождении прямо в фанерной гримёрке летнего цирка во время представления. Мама тянула до конца, вот и случилось то, что случилось. Хоть записывай в паспорте в графе «место рождения»: Воронеж. Государственный цирк. Гримубор-

ная № 13. Что Сарелли с удовольствием, ради хохмы, и делал, когда нужно было писать автобиографию...

Он с детства избрал себе жонглирование, хотя мать была воздушной гимнасткой, а отец акробатом.

По жизни часто приходилось объяснять происхождение своей фамилии. «Итальянец, что ли?.. Да какое там! Это ещё мои прадед с прабабкой, полуграмотные сермяжники, придумали псевдоним на иностранный манер. Настоящая фамилия – Елины. Сами родом из-под Саратова. Соединили всё вместе по первым слогам, вот и стали Сарелли. Так раньше многие делали. Манеж требовал звучных имён. Многие косили под иностранцев.

Какие-нибудь Сидоровы обязательно становились Сидорини. Придумывали себе новые фамилии типа Манжелли, Келанс, Флорено, Польди, Бартар, Эсве, Буше и так далее. Настоящих иностранцев тоже хватало. Женились, оставались в России, давали потомство. Тут тебе и Кисс, и Лапиадо, и Труцци, и Чинизелли со всеми остальными. Итальянцев было пруд пруди в России. Отсюда и мы, Сарелли-итальянцы, правда, доморощенные...»

Сашку Сарелли в училище тоже пытались как-то обозвать. То он был Челентано, то Марчелло, то Мастроянни. Но как-то не прижилось. Его собственная экзотическая фамилия уже сама была красивым прозвищем. Так всё и осталось без изменений.

Никонов сидел в машине и вдруг решил, что никуда больше не поедет. «Не хочу! Надо будет, работа сама меня найдёт. Устал...» Он расслабился, откупорил купленную бутылку, сделал шипящий глоток. Газ приятно защекотал ноздри. У «Белорусской» толкался народ. Вокзал!.. Людям везёт – поездам и в дорогу... Защемило... Сейчас бы к окну и смотреть, смотреть, как меняются пейзажи!.. Ирка обычно спрашивала, когда он уходил из купе в вагонный коридор: «Опять телевизор смотреть?» Сколько он насмотрелся за свою жизнь в этот «телевизор»...

Никонов отпил очередной глоток. Огляделся, словно видел это место впервые. Здесь столько хожено-перехожено, прожито-пережито!..

На четыре года он тогда стал москвичом, пока учился в Государственном училище циркового и эстрадного искусства. Гордился этим несказанно! Отсюда на восемьдесят втором автобусе до училища минут десять. Пешком, дворами – немногим больше... Студенчество, общага на Расковой, пацаны...

Ещё один его друг, Витька Ангарский, в цирковое училище поступил тоже без проблем. С первого тура на экзаменах стало ясно – быть ему студентом ГУЦЭИ. Подготовка профессиональная. С детства – в цирке. Можно было и не поступать – родители цирковые. Но нужен был диплом и среднее образование. «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек!» – так любил говаривать Витькин отец, первоклассный эквилибрист в групповом номере.

Не мудрствуя лукаво, в студенческих кругах его тут же стали звать Ангара. И первым это сделал он, Володька Никонов, – его друг и партнёр. Будучи студентами, они частенько «халтурили» на каких-нибудь концертах, работали силовую пару. Вовка нижним, Витька на руках вверху. К скудной стипендии приработок был...

«Ангарой» он стал в момент. Оно и понятно! Витька не сопротивлялся. А что – звучно, не обидно. Корни фамилии наверняка шли от названия этой могучей реки. Он ерепенился только, если слышал в свой адрес – «Вангара». Это была фамилия одиозной и единственной в нашем цирке женщины – силового жонглёра. Тут уж Витька спуску обидчикам не давал...

Потом к их троице присоединился «Шах». Владислав Шацкий...

В ГУЦЭИ тот появился неожиданно, по мнению большинства – случайно. Все ждали, когда пройдёт эта мимолётная блажь и он заберёт свои манатки назад к папе с мамой. Шли месяц за месяцем, а он и не думал освобождать место на репетиционном манеже. Мало того, репетировал с какой-то остервенелой жадностью и целеустремлённостью. Так припадает к источнику уставший путник, не пивший много дней...

Единственный сын работника Торгпредства и учительницы музыки какое-то время был белой вороной среди своих сокурсников, пока к нему не привыкли.

Жили они в центре Москвы в старом доме на улице Марии Ермоловой в четырёхкомнатной квартире с высокими потолками. Там же проживала и его бабушка Роза Марковна. Все, кто потом приходили сюда в гости, отмечали достаток, чистоту, порядок, уют и какой-то церемониальный покой, соблюдавшийся бабушкой незаметно, но неукоснительно. Отец был в постоянных заграничных командировках. Мать, как верный Санчо Панса, была при нём. Воспитывала подрастающего Шацкого в основном бабушка, некогда преподаватель французского языка Московского университета. С раннего детства Влад играл на фортепьяно, свободно говорил на английском и французском, чем наповал сражал своих сверстников. Ему бы быть по всем приметам дипломатом или известным музыкантом. Ан нет! Он связал свою судьбу с цирком хоть и случайно, но всерьёз и надолго. Дело обстояло так. Когда однажды на семейном совете встал вопрос о его будущем, энергичный и подвижный, как ртуть, Шацкий с порога отверг все навязчивые и предсказуемые предложения родителей. На вопрос, чего же он хочет, юный отрок пожал плечами. Родителей и бабушку тревожила компания подросших пацанов, собиравшихся во дворах, куда с невероятной силой тянуло ещё сопливого Влада. То он придёт с подбитым глазом, то от него вдруг пахнёт табачным дымом. По мнению родных, он катился по наклонной в пропасть. Семья пребывала в унынии и отчаянии!..

Цирк располагался рядом, внизу, у рынка. Как-то сидя на представлении, бабушка обронила в сердцах: «Будешь продолжать так себя вести, отдадим в цирк!» Сказано было вскользь, но идея засела в мозгу Влада – словно кто-то шепнул ему: «Это твоё!» Через месяц, после долгих уговоров и слёз, отец привёз-таки его на экзамены в цирковое училище. Влада неожиданно приняли в младшую группу. Стала бабушка ежедневно возить внука на пятую улицу Ямского поля в круглый дом под номером двадцать четыре, пока внук не стал это делать самостоятельно, быстро повзрослев.

Кто-то однажды назвал его Шахом. Так и стали его звать с училищных времён. Когда Шацкий окончил восьмой класс, все они и встретились на одном курсе... Выпускались тоже вместе. Каждый со своим номером. Влад Шацкий – эквилибрист на катушках. Сашка Сарелли – соло-жонглёр. Витька Ангарский – эквилибрист на пьедестале, блистательный стоечник, которого тут же взяли на программу в Старый цирк. Володька Никонов – руководитель группового номера акробатов-вольтижёров...

Дальнейшая судьба связала их на всю оставшуюся жизнь, хоть и работали они в разных городах необъятного тогда Союза. Друзья частенько упрашивали Главк соединить их в одной программе. И тогда, как в том анекдоте: «На третий день в город N въехал поручик Ржевский, и тут такое началось!..»

Лидером и заводилой всегда был Влад Шацкий. Черноволосый красавец с холёными усиками и загадочной полуулыбкой голливудского киногероя. С выразительными, чуть навывкате, глазами-маслинами, полыхающими каким-то завораживающим огнём. На этот огонь бабы летели, как мотыльки на пламень свечи. В этом пожаре погибла не одна крылатая красавица-однодневка... Хорошо сложен, обходителен, эрудирован – идеальный образчик классического сердцеда. Однажды какая-та пассия с восторгом и придыханием обронила: «Он такой сладкий! Мм-м!.. Как мармелад!..» Шурка Сарелли тут же переделал: «Мармевлад». Так и осталось...

Сладкий Влад через какое-то время встретил свою Аллу. Девочка семитских кровей, черноволосая, улыбочивая красавица, лёгкая, как бабочка, заботливая, хозяйственная, компанейская, она охотунала Влада в несколько месяцев. Он вдруг остепенился и оказался первым из них по-настоящему женатым человеком. Она стала ассистенткой в его номере... Теперь у них двое дочерей. У одной из них уже маленькая дочурка. Шацкий – дед! Хм... Вот жизнь! Пролетела, как метеорит в августовском небе ночью...

Сколько его помнили, Шацкий постоянно учился. И это невзирая на то, что он был отцом двух очаровательных близняшек, которые катались на нём, как на цирковом пони. То он ломал извилины в Высшей партийной школе – было такое в прошлой жизни. То окончил курсы инспекторов манежа и стал носить фрак. То ходил на какие-то бухгалтерские курсы на стороне, чтобы разбираться в финансовых хитросплетениях цирковой системы. Когда он успевал готовиться к сессиям и экзаменам в этом цирковом круговороте ежедневных выступлений, репетиций, молодых загулов и всевозможных конкурсов, никто понять не мог. Не успели моргнуть глазом, как тот окончил ГИТИС с «красным дипломом» и стал иметь ещё и профессию режиссёра. Ставил тематические цирковые спектакли к разным датам, детские новогодние представления-сказки. Делал он это талантливо, легко и с удовольствием.

Шацкий был прирождённым лидером. Люди к нему тянулись, полностью доверяли. Много позже, уже в зрелом возрасте, он понял, что его век эквилибриста на катушках подходит к концу, а профессия режиссёра цирка весьма эфемерна – нужно иметь ещё что-то, чтобы выживать. Он снова оказался в родных стенах альма-матер, но уже на продюсерском факультете. Самое смешное, что в это же время на параллельных факультетах учились и его подросшие дочери. При случайной встрече с ними где-нибудь на лестничных маршах этого старинного учебного заведения великовозрастный студент-отец неизменно прикладывал палец к губам и нарочито строго грозил им пальцем. Дочери прыскали от пикантной ситуации и жестом клялись: «Папочка! Мы – могила!..»

Пришло время, и Шацкий получил свой очередной «красный диплом». Но это радостное обстоятельство, по-прежнему, хорошо оплачиваемой работы не прибавляло. Он тоже мыкался...

Никонов сделал очередной глоток. Вода до дрожи освежала, бодрила в нетопленном салоне автомобиля. В боковое окно постучали. Гаишник деревянным жезлом махнул: «На выход!..»

...Володька ехал, задыхаясь от возмущения и унижения. Этот флибустьер московских дорог, махнув своей волшебной палочкой, очистил его карманы в мгновение ока. Никакие аргументы Никонова его не удовлетворили, наоборот: «А-а! Так у тебя ещё и стеклоочистители не работают!..» Взял последнее, взамен отдав сомнительную честь...

– Всё! Надо ехать к Шаху. Может, он чем поможет...

Глава вторая

«Что такое – ЦИРК?..

Это, конечно, манежный Круг. По нему лошади несутся, наклоняясь к центру. Словно там лежит ответ... Цирк – Полусфера. К ней с арены взлетают под купол. Там до Бога рукой подать...

Это – Плоскость, когда лежат не в силах подняться от усталости. И жёсткая Плоскость – когда однажды не поднимаются вовсе... Цирк – это Квадрат детской колыбели. С первыми круглыми игрушками – мячами и кольцами жонглёра... Для некоторых начинающих – Ярмарка Тицеславия, заканчивающаяся Тицетой. Улыбка и седина старого артиста, вкусившего горечь цирковых опилок. Познавшего простоту «Vanitas vanitatum...» Это – Мир в мини-атюре. Вселенная! Начало Мироздания и конец Бытия.

Бесконечная Прямая, замкнутая на самую себя. Спираль в спирали. Параллельные прямые, которые пересекаются. Это Парадокс в Логике и логика в парадоксах. Цирк это – Ты, растворённый в вертикалях надежд и огорчений... Это – восходящая горизонталь Удачи, летящей к тебе на крыльях аплодисментов.

И – Любовь, долгожданная, Безграничная, однажды приходящая к тебе.

ЦИРК – это Круглая Многогрань...»

– ...Много – грань... – Сашка Сарелли на какое-то мгновение завис над тем, что только что написал, повторил несколько раз финальное слово и отложил листок бумаги. Очередная его новелла родилась как-то сама собой, почти без единой правки. Их накопилось достаточно за долгие годы – две-три книги уже можно было издать, да всё както недосуг... – Ладно, всё на сегодня! Хватит душу рвать!..

Он глянул в окно. Над Москвой занимался серый мартовский рассвет. Впереди ждал очередной длинный день, как сдвоенный состав товарняка на переезде, который надо было переждать, пережить...

...Он лежал, прижавшись к рёбрам старой чугунной батареи. От неё шел нестерпимый жар! Топили в этом сезоне, не жалея ресурсов и не щадя налогоплательщиков. Сашка Сарелли валялся вот уже второй день, редко вставая по малой нужде, и только чтобы попить воды прямо из-под крана. Силы его иссякли, и все надежды рухнули.

Накануне он походил по Москве в поисках хоть какой-нибудь работы. В цирковом училище ему были рады, но все места педагогов были заняты, а сверх штата никто никого набирать не собирался. Поискал в интернете самостоятельные цирковые студии, созвонился. Там тоже в нём нужды не было, если только на общественных началах. Из любви, так сказать, к цирку. Проще говоря – за так! Он дал несколько объявлений на частные уроки по жонглированию. Один раз отозвались. Заплатили за два часа занятий и всё, продолжения не случилось – поняли, что дело это нелёгкое, не такое уж и развлечение... Однажды попросили провести несколько уроков жонглирования в ГИТИСе для студентов-первокурсников, и на этом тоже всё закончилось. Больше никаких предложений не было, идей тоже. Работать свой номер по кабакам-ресторанам или в детских садах, как это теперь делали многие, он не мог – было противно, унижительно! Физически он тоже едва тянул – его время, как профессионала, кончилось. Нет, конечно, собратся, «выдать на гора», он всё ещё мог, но...

Всё чаще одолевала мысль продать квартиру, которую когда-то приобрели его родители. Эта была хоть и небольшая, но уютная трёшка в цирковом кооперативе «Арена» на Фестивальной и углу Онежской. Тут жил почти весь цвет советского цирка. Ну, или, во всяком случае – какая-то его часть. Не самая худшая...

Если «трёху» продать, купить однокомнатную, то можно какое-то время прожить безбедно. Но делать этого ох, как не хотелось! Это было не только жильё, но и невидимая связь,

ностальгия по ушедшим родителям и временам своей юности. Именно здесь он когда-то потерял девственность. Отсюда уходил в армию – вот тут валялись его лохмы, когда стригли «под ноль». Сюда привёл первую жену. Здесь были бесконечные застоля, когда возвращались с гастролей. То он с приятелями, то родители со своими друзьями, а иногда и общими компаниями гремели на весь подъезд. Как здесь было хорошо и радостно! Знали бы они...»

Жизнь остановилась, замерла, потеряла всякий смысл. Земля вращалась во вселенной вместе с бранным телом бывшего жонглёра. Цирк во всех его ипостасях остался в прошлом. К этому нужно было привыкать, точнее отвыкать. По ночам, во сне, он всё ещё работал. Снились, в основном, кошмары: вот он выскакивает на манеж, а реквизита нет. Ему подаются мячики. Зачем? Это не его реквизит! Он всегда ими плохо жонглировал! Где кольца? Но выкручиваться надо – зрители вокруг! Позор!.. На другой день: объявляют его номер. Он спешит по каким-то запутанным лестницам к манежу. Звучит его музыка. Он не успевает, опаздывает... Следующий сон не лучше предыдущих: он второпях надевает костюм, но никак не может закончить. Руки действуют как-то замедленно, словно нарочно. А тут снова звучит объявление его номера. Музыка! Он опять не на манеже... Очередное просыпание в холодном поту и трепещущим сердцем. Только один раз, летая в эфирах, он получил от работы наслаждение. Снился Париж, международный конкурс. Всё, что он тогда пережил наяву в ранге триумфатора, сейчас вернулось во сне. Зал аплодировал стоя. Крики браво! Члены жюри рукоплещут, а он кланяется, кланяется и плачет от счастья... Проснулся – лицо мокрое...

Сашка Сарелли жил и занимался этим делом, сколько себя осознавал. В последнее время вспоминалось, как выносили деда с манежа под аплодисменты артистов и униформы. Столько пришло тогда народу проститься со старым Мастером! Теперь он на Кунцевском, рядом с бабушкой. Позже там оказалась мама, которая так нелепо разбилась, сорвавшись из-под купола. Отец сгорел после этого как-то быстро и незаметно – спился, не выдержал такого поворота судьбы. Сашка с той поры был уже всюю самостоятельным, взрослым. Ездил по гастролям отдельно от родителей. У него всё получалось, он был на взлёте! В молодом угаре пережил это, казалось, относительно легко. Ан нет, рубцы на сердце оказались незаживающими. Правда саднить они стали по-настоящему только сейчас, когда Сашка Сарелли вдруг остро осознал, что он один-одинёшенек на этом свете. Ну, не считая, разве что, его друзей: Шаха, Филя и Ангары.

Цирковая молодость промчалась, отзвучала, как увертюра в оркестре перед представлением... Жизнь резко изменилась! Теперь никуда не надо было спешить, собираться в дорогу. Не было шумных компаний в привычных цирковых гостиницах, как не было и самих гостиниц. Не было аплодисментов, того адреналина, который ежедневно подпитывал кровь. Не было переездов, поездов, самолётов – не было ничего, что полвека наполняло его жизнь смыслом и стремлением. Всё неожиданно закончилось. «У вас льготная пенсия есть? Есть. Ну и отдыхайте! Пора! Спасибо Вам за работу! Компания Росгосцирк в ваших услугах больше не нуждается...»

Теперь он чувствовал себя бомжом, которого выбросили из собственной квартиры на улицу, где было холодно, страшно и непривычно. Он не знал, как жить, совладать с ситуацией! С чего начать это новое для него существование? Не было ни финансовых накоплений, ни семьи, ни иной профессии. От прошлой жизни остался лишь его любимый «Мерседес», ещё крепкий и такой надёжный. Это были его крылья, которые столько раз уносили в странствия-путешествия, без которых он себя не мыслит! Сашка был влюблён в эту машину, как в женщину! Сколько всяких амурных приключений знавал салон его автомобиля! Сколько раз он ночевал в нём, когда некуда было деться! Этот дом на колёсах оставался связующим звеном с его прошлой жизнью. Этакая невидимая ниточка, за которую цепляется такое эфемерное понятие, как память. Но на бензин в последнее время не хватало, и «Мерседес» всё чаще пылился в гараже.

Зацепиться душой было не за что. Никаких вариантов и надежд! Тупик! Чёрный засасывающий квадрат – после солнечного круга манежа!..

В этой ситуации, которая с каждым днём усугублялась, нужно было думать, как жить дальше. Но именно Жить не особо и хотелось...

Он много спал. Блуждал в тяжёлых беспросветных закоулках забвения, пытаюсь найти там спасение. Точнее, ничего он не искал. Просто лежал в состоянии глубочайшей депрессии, выраженной в бесконечном равнодушии к себе и окружающему миру. Он не чувствовал ровным счётом ничего. На вопрос, жив ли он в эту секунду, утвердительного ответа он бы не дал. Единственной точкой опоры и жизненного тепла сейчас была шершавая, много раз крашенная батарея центрального отопления. Именно она хоть как-то сейчас подтверждала, что жизнь его ещё не покинула.

Энергии не было. Желаний тоже. Никаких. Он просто прижимался ягодицами к обжигающему металлу и лежал без движений.

Иногда ему казалось, что сердце переставало биться и дыхание останавливалось. Он ждал. Но проходили секунды, и грудь начинала вздыматься против его желания и воли. Тело, привыкшее к бесконечным нагрузкам и испытаниям, теперь хоть и нещадно болело, но продолжало самостоятельно жить и функционировать. Оно боролось! За двоих!.. В мозгу вдруг чётко, как команда «Ап!», прозвучало: «Жизнь никто не отменял! Осим хаим!..»

– Что за «осим хаим»? Это ещё что за иностранщина? – мозг вяло начал свою жизнедеятельность. В голове многократно, словно заевшая пластинка, повторялось: «Осим хаим! Осим хаим!..»

«Надо посмотреть в интернете, как переводится эта абракадабра. Никогда раньше ничего подобного не слышал... Да пошло оно всё!» – устало промелькнуло в мозгу, и он вновь устремился вверх-вниз по скользким тоннелям сновидений...

...За ним гналась свора бешеных собак. Они брызгали рыжей слюной. Их горячие капли летели ему на ноги, плечи, спину. Он задыхался, но бежал, бежал, что было сил. Понимал, если укусят – всё... И его укусили... В самое незащищённое место, что пониже спины. Он проснулся с колотящимся сердцем и пульсирующими висками. Присел на кровати, приходя в себя и вырываясь из липкой паутины сна. Простыня была мятой и влажной. Он изрядно пропотел, как при тяжкой хвори.

Сил не было. Остатками воли он всё-таки сделал над собой усилие. Хрустнул коленями, пошатываясь, встал. Потёр обожжённое батареей место. Одеядло валялось на полу. «Вот, собака!» – недобро покосился он на раскалённый радиатор, одновременно вспомнив свой сон. Слава богу, бешенство ему не грозило, но волдырь обещал быть знатным. И где!..

Прихрамывая, пошлёпал босыми ногами на кухню. Попил воды, привычно потянулся, охнул! Выковырял из блестящего пластика таблетку мелоксикама, ещё раз хлебнул воды. Проклятый артрит с каждым днём прогрессировал, уродуя пальцы рук, плечи и сгибы локтей. Натренированное за долгие годы тело, из-за отсутствия привычных нагрузок, разваливалось на глазах. Никакие утренние зарядки не могли компенсировать оставшиеся в прошлом ежедневные репетиции и выходы на манеж.

Среди дня он ещё выглядел молодцом! Всегда щеголевато одетый, длинноволосый, без заметной седины, лёгкий, энергичный – он поражал собеседников, когда те узнавали, что ему почти пятьдесят. Выглядел он лет на десять-пятнадцать моложе. Последнее время лишь утро напоминало ему о том, что ничего нет вечного под этой луной, да и под солнцем тоже. Сарелли с удивлением узнал, что его любимое жонглирование может мстить за прошлые многочасовые репетиции. Здоровье вдруг начало исчезать, как купюры из кошелька, которые он раньше особо не считал. Всё казалось прочным и незыблемым, но молодость вдруг скрылась за поворотом, как автобус, на который ты опоздал...

«Ладно, через полчаса боль чуть утихнет. Часа через два-три уймётся совсем. Мелокси-кам своё дело сделает»,— утешил он себя.

Сашка кое-как расхотелся. Насколько мог помахал руками, осторожно, психуя на свою неожиданную беспомощность, с закушенной губой, через силу, поприседал. Посмотрел на свои руки, покачал головой и включил компьютер.

В голове тяжестью пудовой гири висела серая пелена, запорошенная обрывками разрозненных фраз, мыслей без начала и конца, вопросов, на которые у него не было ответов. Всё это, словно с глубочайшего похмелья, копошилось, кувыркалось резвыми акробатами, гудело какофонией и не отпускало ни на секунду. Сарелли сделал очередное усилие, открыл крышку ноутбука.

– Та-ак! Смотрим, ищем... «Лехаим»... Нет, не то! Это слово я знаю, сто раз у Шацкого орали на его днях рождения, желая здоровья. Ёлы-палы! Не могу вспомнить! Да как же его? Заспал, блин!..

Вдруг ударом в висок: «Осим хаим!..» Сердце радостно заколотилось, и любопытство погнало застоявшуюся кровь по артам, а ожившее сознание – по закоулкам интернета...

...Он сидел ошарашенный и одновременно какой-то просветлённый и торжественный. То, что это словосочетание никогда ранее в своей жизни он не слышал и не встречал, Сарелли мог поклясться чем угодно! Значит, это «оттуда»! Специально для него! С ним говорят! Поддерживают! Он не один! Мир, оказывается, бесконечно шире, глубже, многогранней его представлений о Вселенной!.. Сашка рассмеялся громко и счастливо, открыв для себя эту простую и одновременно Великую истину, вспомнив болезненную точку отсчёта своего открытия – обо-жжённую задницу о чугунную батарею. «Как всё лихо закручено! Утро явно задалось!..»

На экране монитора компьютера светилась неоново-белым с чёрными литерами статья из Израильского журнала, которая называлась: «Осим хаим». Сие означало – «Наслаждайся Жизнью!»

Сашка взбодрился: «Надо съездить к Ангаре. Что-то он в последнее время на звонки не отвечает. Не нравится мне это...»

Глава третья

Депрессия наваливается тогда, когда жизнь скукоживается, как мошонка в ледяной воде, схлопывается пружинной мышеловки, и ты лежишь беспомощный, приплюснутый обстоятельствами, которые тебе совсем не по душе...

На этой самой душе сегодня было пусто и бессмысленно. Одиноко и печально. Словно чего-то было бесконечно жаль... Чего-то такого, в определении которого не подобрать нужных слов. Именно в такие времена приходит беспробудное пьянство, заполняющее ту самую брешь в сознании, которой нет определения, кроме нелепого, но абсолютно точного слова «пустота».

Эти затяжные глубокие запои свойственны русскому человеку. Они свойственны в не меньшей степени и другим народам, но общим мнением – особенно русской Душе! Видимо, остальной мир пьёт просто ради опьянения, ради хмельного метаболизма, как процесса. Русский же человек пьёт исключительно из-за бесконечных поисков хоть какого-то смысла жизни. Или пытается заглушить парами Бахуса отсутствие оногo...

Самый невзрачный серый день, в котором, казалось бы, нет никаких событий и особого смысла, имеет свою биографию, индивидуальность и значимость. Он, так или иначе, является точкой отсчёта дня следующего. Как бы мы не прожили день сегодняшний: ярко, насыщенно, незабываемо или бездарно сожгли двадцать четыре часа своей бесценной жизни, лёжа в постели, – мы проложили путь из точки «А» в пункт «Б». Где-то там, в облаках, или здесь на Земле, кто-то что-то решает за нас, а может, и не решает, но оно, тем не менее, происходит...

– Осим Хаим! – Сарелли толкнул обшарпанную дверь, которая на его звонки и настойчивые стуки долго не открывалась.

– И тебе не хворать!..

– Витя, хватит бухать! Жалуешься – денег нет, а на бухло находишь. – Сашка Сарелли с яростью, но с ещё большим скрытым состраданием смотрел на Витьку Ангарского.

– Не гунди, я в форме...

– В какой ты, на хрен, форме, посмотри на себя в зеркало! Так даже в самой заштатной униформе в провинции не выглядят. Побрился бы, голову причесал!..

– Оставь мою голову в покое! Я на ней уже не стою. И униформу не трогай, там все ребята классные. Других в цирке не бывает...

Сарелли с прискорбием обвёл взглядом холостяцкую конуру друга. Она имела вид запущенный, сиротский. Тут давно не мели, а полы, было такое ощущение, не мыли никогда. С тех времён, как ушла Татьяна, в его жилище женщиной и не пахло. Зато, до тошноты, разило перегаром, остатками еды и большой человеческой бедой. Сашкино сердце вновь сжалось... Он отдернул штору и распахнул форточку. По глазам полоснул солнечный свет, в лёгкие ударила струя свежего воздуха.

Ещё недавно у Витьки Ангарского было неплохое жильё. В своё время родители решились и продали всё, что было у них в Ярославле: отличную квартиру, дачу, японскую машину. Прибавили сюда всё, что заработали за эти годы в цирке и купили жилплощадь в Москве...

Родителей больше не было. Ушли один за другим не старыми. Ушла и любимая женщина, с которой столько лет было прожито! Рак... Они так и не расписались. Жили просто так. Любили друг друга. По-настоящему. Взахлёб. Сгорела его Любушка меньше чем за полгода...

Он долго не смотрел в сторону женщин. Через семь лет встретила Татьяна. Заботливая, решительная, бережливая. Она взяла хозяйство Ангарского и его самого в крепкие женские руки. Он не сопротивлялся. Ему это даже в какой-то степени нравилось. До того момента, пока его не уволили из цирка... Он растерялся. Как жить, он не знал и не понимал. Привычные координаты и ориентиры в жизни сместились. Так иногда смещаются полюса планет, и тогда... Это как если выпустить на свободу заключённого, который отсидел полжизни в застен-

ках, а теперь оказался на свободе, где ему никто не рад и ему ничего не знакомо. Ангарского неудержимо тянуло назад на манеж, в привычную обстановку. В иллюзию ощущения, что он по-прежнему нужен цирку, а его детище – номер-шедевр – нужен зрителю. Он жаждал дела, которому посвятил жизнь, и которого теперь не было. И, самое главное, он понимал – больше никогда не будет... Это – конец. Конец всему...

Навалилась тоска. Руки опустились. Он поплыл...

Татьяна какое-то время его теребила, гнала на какие-то там работы, которые она для него находила. Надо, мол, зарабатывать деньги, а не проедать их и не сидеть на шее у жены. Сама она устроилась в этой жизни быстро и без проблем. Виктор пытался ей что-то там объяснять о своём внутреннем психологическом состоянии, о том, что он артист, заслуженный артист... Татьяна достаточно грубо каждый раз ему говорила – забудь, кем был, важно – кто сейчас. Потом однажды напрямую сказала, кто он сейчас... А тут ещё начались проблемы в интимной жизни. Осечка за осечкой. Витька совсем скис. Татьяна вошла в раж. Последними её словами были: «Я выходила замуж за мужика. Я не мамочка – сопли утирать не буду...» С тем и ушла. Тут же подала на развод. Разменяла квартиру, вывезла мебель. Витьке досталась крохотная однушка на окраине Москвы. Он не сопротивлялся. На суде спокойно подтвердил аргументы жены, что он «законченный алкоголик и импотент». Судья, которая в своей жизни видела-перевидела, женским чутьём для себя определила: «Собака бывает кусачей только от жизни собачей...» Внимательно посмотрела на Ангарского и на его пассивность. «Мужик как мужик. Симпатичный, не старьё. Хорошо сложен. Побрить, отутюжить...» Глянула на Татьяну, вскинула бровь: «Дура баба. Но хваткая...»

При разделе имущества Ангарский так же безучастно стоял в стороне, когда грузчики выносили когда-то приобретённое им добро. Верховодила всем этим Татьяна. Он стоял, закрыв глаза. Его не было. Он умер...

Сарелли читал проповедь, пытаясь достучаться до сознания Ангарского и хоть как-то подкуражить себя самого. В своём психологическом состоянии он недалеко ушёл от своего друга. Разница была лишь в том, что он кое-что понял сегодняшним утром...

– Нашёл, по ком страдать. Баба с возу...

– Дурак! Я не по ней! Я... в принципе... А-а, тебе не понять...

– Где уж нам уж выйти замуж. Эквилибрист хренов! Ты ж на ногах уже не стоишь!

– Эквилибрист он стоит на руках. Да чё с тобой разговаривать – жонглёр он и есть жонглёр. Смотри! – Витька метнулся на руки. Его тело чуть качнулось, но тут же привычно нашло точку баланса. На тренированных руках прорисовались трицепсы и натруженные вены. Одна его рука вот уже полгода не выключалась в локтевом суставе. Старая травма и дикие нагрузки согнули эту руку в локте и не позволяли теперь той до конца разгибаться. По ночам Витька завывал от боли. Недуг прогрессировал...

Он отвёл больную руку в сторону, прижал её к бедру. Стойка была безукоризненной. Вот и скажи, что ему «полтос»! Красава!..

Он стоял, как вкопанный. Потом кокетливо согнул ногу в колене, выпрямил, хлопнул вытянутую ногу о другую и резко, курбетом, встал обратно на ноги. Тут его повело, и он, размахивая руками, с грохотом полетел к стене, заставленной пустыми бутылками. Сидя на полу, потирая ушибленную голову и больную руку, закончил:

– Ну, как-то так, Санёк!.. Отец меня ставил в стойку, когда я ещё не ходил. На руках я держусь сегодня лучше потому, что простоял на них в жизни дольше, чем на ногах. Так что мастерство не пропёшь!

– Пропить можно всё, что угодно! Ты просто не пробовал.

– Ну почему же, уже начал, как видишь! Пока не получается. Но я над этим работаю... – Пьяная улыбка Витьки, размазывая чёткие контуры всё ещё красивого лица, кривилась на запёкшихся губах. Не улыбались только ввалившиеся глаза.

– Запомни, Саня, убивают артиста не хвори и запредельные нагрузки. И даже не водка с вином. Убивает невостробованность. Забвение...

– Ладно, Витя, оставим эту тему... Ну, а теперь, Ангара, слушай меня внимательно. Только о-очень внимательно. Я тебе расскажу, что со мной произошло сегодня утром. Думаю, это интересно будет всем...

Глава четвёртая

– Ты чего не звонишь? Трубку не берёшь! Пропал совсем! – Никонов с Шацким обнялись. Но в этих объятиях, как показалось Володке, не было прежнего тепла. На его друге красовался хорошего кроя тёмный пиджак, галстук в цвет. Он был гладко выбрит, от него хорошо пахло. Весь какой-то правильный, благополучный, подогнанный под общепринятый стандарт чиновника. После объятий он смахнул с плеча невидимую соринку, поправил узел галстука.

– Да когда тут! Сумасшедший дом! Перекусить некогда!

– Что ж мы так хреново живём, если вы тут так трудитесь, не щадя живота своего?

– Долгая песня... – Шацкий обречённо махнул рукой и почему-то не посмотрел в глаза.

«Что-то в нём круто изменилось. И за какие-то несколько месяцев... – с сожалением подумал Никонов. – Такого раньше за ним не водилось...»

– Ну, и чего до тебя не дозвониться?

– У нас тут корпоративные номера на мобилах. Пользуюсь этим, чтоб зря деньги не тратить – всё равно целый день на работе. Запиши...

Никонов поведал Шацкому обо всех невзгодах друзей за последнее время, с надеждой, что Влад хоть чем-то сможет им помочь – начальство всё же. Всё в их власти. Особенно он просил помочь Витьке Ангарскому – гибнет парень. Остальные ещё как-то держатся. Шацкий, когда Никонов рассказывал ему эту печальную сагу, всё время оглядывался по сторонам, словно совершал должностное преступление. Создавалось впечатление, что он просто деликатно ждёт, когда Никонов заткнётся и исчезнет из его новой жизни. Свидание тяготило обоих. Шацкий неопределённо пообещал что-то сделать, на том они и расстались с тяжёлыми сердцами.

Никонов отмерял ступеньки пустующего Главка, глядел по сторонам и не мог понять, как же это всё так быстро случилось, что жизнь разделась на «до» и «после». Ещё недавно тут и вправду был сумасшедший дом. Народу – тьма. Прямо с вокзалов те, кто проездом – сюда. Москвичи, свободные от гастролей, тоже здесь. А где ещё встретишься! Объятия, смех! Накурено – хоть самому виски, не то, что тот топор. Никакого иллюзиониста Кио не надо. Гул, как в Гуме. Вот это была жизнь!.. Потом, словно по мановению руки того же Кио, в Главк артистов перестали пускать. Только по высочайшему повелению того или иного чиновника. Поставили турникеты, посадили охрану, которой до фонаря, заслуженный ты артист или народный!

Главк обрёл покой и тишину, проведя демаркационную линию, разделив на «Мы» и «они». «Они» оказались за чертой. За краем арены...

Доехав до дому, Никонов бросил машину за квартал от своего двора, везде было не прийтись. «Жалуются, все в нищете, а машин развелось!..»

На кухне он поковырял холодную картошку, отложил вилку – не елось... Сегодня день прошёл впустую. Работу он так и не нашёл. Может, завтра... Думать не хотелось. Включил телевизор. Там что-то мелькало на экране, он не вглядывался и не вслушивался – так, для компании, заполнить пустоту...

Достал из холодильника залежавшуюся бутылку пива. Откупорил. Напиток со змеиным шипением ударил в дно стакана. Глотнул... Из головы не шла встреча с Шацким... Что насторожило? Показалось, что он какой-то фальшивый, не родной! Столько лет дружбы! Да, нет – чушь! Показалось! Ну, мало ли!..

Его взгляд упал на стену. Там в лакированной рамке, среди прочих фотографий его цирковой молодости, висела фотография их четвёрки. Вот они стоят, обнявшись, сияющие молодостью, уверенностью, белозубым счастьем. Это они фотографировались на свадьбе Шацкого. Рядом – армейская. Они в комбезах, шлемофонах, рядом с их шестьдесят двойкой. А вот и то историческое фото, из-за которого тогда было столько шума в дивизии. Они сидят вчетве-

ром на стволе танка, свесив ноги и подняв руки в цирковом комплименте... Память крутанула Землю вспять...

– ...Ря-айсь! Отстайть! Ря-айсь! Отстайть! Ря-айсь! Си-ира-а! – прапорщик Терешко, пропуская согласные, манерно подавал команды, общий смысл которых был всем понятен. Он открыл журнал личного состава и начал утреннюю поверку. В его роту прибыло пополнение в лице рядовых Ангарского и Сарелли, которых по многочисленным ходатайствам сержанта Шацкого и ефрейтора Никонова, наконец-то перевели в тот же полк и даже в одно подразделение. Вырисовывалась перспектива создания танкового экипажа из цирковых. На собеседовании комроты определил дальнейшую судьбу Ангарского и Сарелли.

– На гражданке кем был?

– Жонглёром.

– Та-ак! Значит с глазомером всё в порядке. Будешь наводчиком! Не подведи!..

– Ну, а ты, боец? Вижу – малый крепкий!

– Эквилибристом, товарищ старший лейтенант!

– Это что за хрень?

– На руках стоял!

– А-а! Так бы сразу и сказал. Отлично. Будешь – закидным.

– Это что за хрень? – Витька в точности повторил манеру и вопрос своего старшего командира, незаметно отомстив за «эквилибриста».

– Отставить! Закидной – это заряжающий. Так говорят. Будешь из боеукладки хватать снаряды и засылать их в казённую часть. Тут как раз сила и ловкость нужны. Короче – заряжать башенное орудие. Служба – не бей лежачего. Тебе понравится. Опять же – комфорт: отдельный люк, просторно, зимой – печка! Служи – не хочу!..

...Терешко зачитывал фамилии, из строя разногласо раздавалось короткое: «Я!»

Наконец очередь дошла до Сарелли.

– Са... Сар... Ёк-макарёк! Чёй-то не пойму, то ли фамилия, то ли кликуха? Са-релли! – по слогам осилил прапорщик возникшую непонятность, двигая крючковатым пальцем по строчке в журнале.

– Я! – бодро и озорно выкрикнул из строя Сашка.

– Это что, фамилия у тебя такая?

– Так точно! Фамилия! Итальянская!

– Италия-а-анская! – с немалым удивлением протянул прапорщик. – Занесло-о!.. «Сапोजок», значит! – продемонстрировал он свою осведомлённость в области географии. – Ну, ну! Теперь у тебя будет наш сапोजок – русский кирзач, на два ближайших года. Так что, с прибытием. Велкам! – Прапорщик Терешко, старшина танковой роты тринадцатого полка заржал, оценив собственную шутку. Внимательно посмотрел на Сарелли и криво усмехнулся:

– Кхе, итальянец!.. Чёй-то не похож! Морда – русопятая, белёсый, глаза голубые. Те вроде чёрные, как армяне.

Старослужащий механик-водитель Сурен Айвазян ворчливо отозвался:

– Настоящие армяне – блондины с голубыми глазами! Ара, это мы после турок почернели...

– А после меня – поседели! Гы-ы-ы!.. – прапорщик снова самодовольно заржал. Его тупые солдафонские изуверства были притчей во языцех среди личного состава первого батальона. Терешко расплылся в очередной кривобокой улыбке, обнажив такие же зубы, которые расселились по его дёснам, как овощи на грядках, посаженные по пьяни. Вид у прапорщика был своеобразный и запоминающийся. Небесная творческая мастерская слепила эту «скульптуру», явно не мудрствуя лукаво, из остаточного материала, что валялся под руками. Перед строем стоял долговязый нескладный детина с узкими плечами и непропорционально маленькой головой, которая напоминала наспех сварганенный колобок – подгоревший и приплюснутый. Вен-

чала всё это фуражка с офицерской кокардой, сдвинутая на затылок. Из-под неё выглядывал прямой реденький чуб цвета прелой соломы и оттопыренные уши-локаторы. Выцветшие брови и такие же ресницы обрамляли суетливые глазки-пуговицы неопределённого цвета, сдвинутые к конопатой переносице. Отслужив срочную в танковом полку, в танк он так ни разу и не залез, даже ради любопытства. «Чё я там не видел? Трактор он и есть трактор, только с дулом». – «Со стволом!» – поправляли его бывалые. Так или иначе Терешко «отшланговал» все два года сначала на дивизионном хоздворе среди свиней и прочей живности, а закончил «в тепле и чистом обмундировании» в каптёрке, заведую нехитрым солдатским хозяйством танковой роты. Восседал он там этаким Гобсеком, у которого даже положенное выпросить было сложнее сложного... Сейчас его манера ходить, общаться, отдавать честь старшим по званию и прочее – весь его странноватый внешний вид напоминал помесь этакого законченного дембеля, ни в грош не ставившего начальство, и, одновременно, представителя младшего комсостава, которому в школе прапорщиков всё-таки объяснили, как надо соответствовать армейской действительности, коли уж навесил погоны на плечи и сам себе подписал судьбу на ближайшие несколько лет. Последнее его явно тяготило, и он периодически отрывался на солдатах, лютовал, поощряя дедовщину во всех её проявлениях...

– Ну, и откуда ты, «Сардэлли», сынок? – прапор нарочно искажил фамилию Сашки и снова разулыбался. Постоянно злой и вечно всем недовольный, прапорщик Терешко сегодня непривычно сиял, как начищенная солдатская бляха после асидола. Секрет был прост: после многомесячных обхаживаний, тактических выкрутасов и осады прыщеватая медсестричка Танька из гарнизонного госпиталя вчера наконец-то сдалась и провела ночь в его холостяцкой конуре офицерской общаги...

– Боец! Вопрос понятен?

– Никак нет! – Санька со скрытой улыбкой «включил дурака», выпятил грудь и ел глазами «главнокомандующего», памятуя о знаменитом указе Петра: «Подчинённый должен иметь вид лихой и придурковатый. Дабы не смущать начальство разумением своим!» Сарелли с детских лет с удовольствием участвовал в репризах клоунов, когда это было нужно, и, будучи весьма неплохим жонглёром, всерьёз подумывал о карьере ковёрного, которым когда-то был его дед – знаменитый Николь Сарелли. Так что с юмором и мастерством актёра у Сашки было всё в порядке.

– Тупим?.. Я спрашиваю, ты откуда такой... бравый?

– Из цирка!

– Эт-т я знаю, что ты циркач! Вас тут полбатальона нагнали. Родился где?

Сашка продолжал «не смущать» начальство:

– В опилках.

Рота грохнула смехом, словно танковое соединение одновременно решило поразить противника синхронным выстрелом из мощных бронестолов.

– Ты что, лошадь? При чём тут опилки?

– Так принято говорить о тех, кто родился в цирке.

У кого родители – цирковые. – Сашка звонко и чётко отрапортовал, расчленив эту длинную фразу на отдельные слова. Затем, без спросу, разрешив себе «вольно», совсем по-граждански добавил:

– Вообще-то, я появился на свет в Воронеже, прямо в цирке, когда там были на гастролях.

– Ёк-макарёк, ещё один земля... – прапорщик сдвинул фуражку ещё дальше на затылок.

На чём она там теперь держалась, было ведомо только одному армейскому богу! Старшина из любопытства невольно сделал шаг вперёд.

– Тот-то я смотрю, мне всё знакомо до боли, до слёз. А он оказывается – ещё один «жлоб» воронежский. Вы там все на одно лицо! Морды у вас с Никоновым, как братья-близнецы!..

– Только у них матери разные... – подал реплику Шацкий. Строй хохотнул.

– Отстаи-ить! – свирепо рявкнул Терешко. Он только собирался развить эту тему, а тут ему этакое препятствие! Сегодня на армейском манеже премьером был он!.. Терешко где-то услышал, что всех воронежцев называли именно так. Вроде, как в словаре какого-то там Даля «жлоб» переводилось, как житель воронежской губернии. Ну, типа, как всех рязанских раньше дразнили «косопузыми» из-за топоров, которые они в плотницких артелях носили за кушаками на животе. Так оно было на самом деле или нет – поди теперь проверь. А прозвища остались в веках...

– Так точно, Вашбродь – «жлоб». Ещё чуть-чуть, и был бы как Вы – «Курский соловей». Немного не долетел!.. – Сарелли продолжал гнуть своё, дуркуя...

Солдаты за глаза звали Терешко «соловьём» за его манеру вечно что-нибудь фальшиво насвистывать, также зная, что тот родился где-то в небольшой деревушке в медвежьем углу Курской области, куда он по дембелю дальновидно возвращаться не захотел: «Навоз топтать?..» Сообразил и остался на сверхсрочную...

Терешко вмиг посуровел. «Вашбродь» он не расслышал. А вот про известную птицу певчую!.. Неслыханная дерзость от салаги-первогодка!.. Его глаза забегали по кругу, как дрессированные пуделя по манежу! Враз посиневшие тонкие губы зашевелились, то ли отражая глубинный мыслительный процесс, то ли сотворяя неслышимые пока матерные слова! Конопушки на переносице вспыхнули. Строй замер – сейчас начнётся!..

Прапорщик немного помароковал над услышанным. Потом, кажется, понял, что это скорее был комплимент, нежели оскорбление. Дёрнул плечами. Обмяк, оттаял. А чё? Курский – он и есть курский – факт. Соловей – тоже не обидно! Не-е – нормально...

– Ладно! Служи!.. Хм, итальянец-засранец! – снова заржал, обрадованный подвернувшейся вовремя рифме. Строй с облегчением выдохнул!..

Первая после прибытия в новое расположение утренняя поверка продолжилась. Служба рядовых Ангарского и Сарелли в танковой роте тринадцатого полка началась...

Глава пятая

Расположение готовилось к очередному отбою. Все сидели, подшивали подворотнички. Ангарский, поигрывая ниткой в зубах, решил размять язык на сон грядущий.

– Влад! А у тебя родственники... – Шацкий не дал Витьку закончить:

– Да! Из «одесситов», а что?

– Да так, ничего. Смотрю, откуда умище!..

– Ну, Ангарский – тоже не Иванов, скажу тебе.

– Не-е, мои предки из шляхтичей и белорусов.

– Ну, да! Где Ангара и где поляки с белорусами! Судя по твоим залётам, Витёк, ты – здесь, а ум около Байкала так и остался... – Влад белозубо улыбнулся, как мог это делать только он. – Уж лучше бы и твои предки были «одесситами». Хочешь я тебе расскажу, откуда у тебя такая фамилия на самом деле?

– Ну? Интересно! Давай травы, знаток!

– Ты говорил, что твой дед из беспризорников?

– Было дело. Так дед рассказывал.

– Так вот! Когда малые детишки, как твой предок, попадали в детдома и не знали своих фамилий, им давали их или месту рождения, или местности, где они проживали, или где их отлавливали. Вот так твой дед и стал Ангарским. Таких было полно, пол-России – Ярославских, Владимирских, Астраханских, Орловских и так далее.

Позже, чтобы не смущать «бдительных» граждан и некоторые специальные ведомства, тот же Ярославский превратился в Ярославцева, Владимирский во Владимирцева. Окончания значили многое. С «й» можно было далеко не уехать, только пойти... Евреям запрещено было жить в больших городах, если ты в курсе. Они влачили своё существование в так называемых «местечках».

– Откуда мне знать? Я же, этот... бурят с Байкала. – Ангарский растянул свои глаза по сторонам.

– Хватит вам, побочные дети дядьки Моисея! – Сарелли влил свою долю сарказма в дружескую беседу. – Цирковые вы! Вот и вся ваша корневая система.

– Слушай! А смотри, как интересно! Все национальности – имена существительные. Ну, там: американец, немец, грузин, француз. Русский – это прилагательное. Я бы даже сказал – определение. Цирковой – тоже.

– Рядовой – тоже определение. А вот старшина – это мировоззрение, определяющее твоё место где-нибудь в районе толчка, который нужно почистить, чтобы служба мёдом не казалась!

– Дотрынделись! Вон, Терешко топает... – Никонов напрягся.

– Вспомни солнце – вот и лучик!.. – Ангарский помрачнел. – Правду дембеля говорят: «Бог создал отбой и тишину, чёрт создал подъём и старшину». Ща начнётся «отбой-подъём!..»

Командир танка Шацкий, наводчик Сарелли, заряжающий Ангарский и механик-водитель Никонов составили гвардейский экипаж и влились в боевую жизнь не менее гвардейского тринадцатого танкового полка.

О, это был известный полк! С боевой, так сказать, биографией, историей. Ох, и дали фрицам жару во время Великой Отечественной!..

В современной, мирной жизни дивизии этот полк опять же постоянно был на слуху, как в положительном смысле, так и в том, за что получают взыскания и понижают в звании. «Что ни экипаж, то клоуны!» – то ли с гордостью, то ли с тихим ужасом резюмировал командир того самого полка. И на полигоне первые, и в повседневной армейской жизни не последние! А уж ежедневных всяких самоволок, залётов-происшествий – и не сосчитаешь! И все какие-то с вывертом, с фантазией! Одно слово – тринадцатый! Только и разговоров в дивизии об этом

полку! Притча, так сказать, во языцех! Это одновременно и гарантированная благодарность от проверяющих, и непрекращающаяся головная боль, и незаживающий прыщ на командирских жопах...

С первого же дня продолжили эту славную традицию воины-гвардейцы Владик Шацкий, Витька Ангарский, Володька Никонов и Сашка Сарелли, как только соединились в единый боевой экипаж, так сказать, бронированный гвардейский кулак...

Первое, что они сделали через неделю, так это погоняли «дедов», которые решили было их повоспитывать, припахать. Четверо – сила! Особенно, если сила эта манежная, цирковая... С первой же попытки у десятка старослужащих пропала охота даже смотреть в сторону «чокнутого» экипажа...

Вызвали как-то «деды» молодых в курилку после отбоя. Сидят, кольца дыма в потолок пускают, тапочками на ногах поигрывают. Лениво так, через губу, сержант Шломин вещает:

– Ну, что, клоуны, страх потеряли? Вам ещё гнуться, как медным котелкам, портянки дедушкам стирать, а вы борзеть. Куда ты, Шацкий, меня там послал сегодня? Ну? В глаза смотреть! Смирно-о!

Влад повёл плечами, глаза его сверкнули то ли растерянностью, то ли наоборот – он их отвёл в сторону.

– Могу повторить. Пошёл на ...

Сарелли, Ангарский и Никонов одобрительно хмыкнули. Деда напряглись. Кульминация сегодняшней ночи обозначилась.

– Сучё-онок.– Шломин как-то неуклюже размахнулся, но достал по лицу Влада. Тот слегка покачнулся. Шацкий помедлил, видимо, оценивая шансы, а может прикидывая: чем ему, младшему сержанту, может грозить разборка с рядовыми, хотя и дембелями. Его рассуждения были недолгими. Второй удар Шломина внёс коррективы в эти размышления. Ответ был мгновенным и разящим. Шломин осел у двери с каким-то удивлённо-блаженным взглядом в потолок, словно он там увидел хоровод ангелов, кружащихся под хрустальный звон, звучащий в его барабанных перепонках. Четверо старослужащих вскочили, как по тревоге, со словами: «Вы чё, бля?...» Через несколько мгновений они, уже лёжа на потрескавшемся от времени кафеле, выполняли команду «отбой». Рядом дымились их бычки. Это Вовка Никонов смачно и с большим удовольствием вложил в несколько своих ударов. Ангарский и Сарелли стояли, сжав кулаки. В курилку вбежали ещё двое цирковых из соседней роты, Шурка Васенков и Сабит Бигеев, их кровати стояли в десяти метрах, в соседнем отсеке. Им тоже оставалось служить, как в мае петь соловью.

– Вы чего переполошились? – Сашка Сарелли нервно выдохнул.

– Чего, чего! наших бьют!..– те оглядели поле сражения, став наизготовку.

– Ну, это скорее наоборот – «ваших»! – Витька Ангарский кивнул на притихших дембелей. Один из них, сипя злобой и страхом, жизнеутверждающе пообещал:

– Ну, салаги, ждите! Поднимем всех дембелей батальона – затопчем!

– А мы уже здесь! – Сабит, прищуря монголоподобные глаза, угрожающе набычился. На гражданке в группе акробатов он хоть и не был нижним, держащим на себе колонны, но его, сына ковыльных степей, силёнкой и отвагой бог не обидел. А потом – цирковое братство!..

– Рыпнитесь, поднимем всех цирковых из соседних полков, на стволы натянем! Так и будете до дембеля на броне кататься, как пупсы на машинах молодожёнов! А наших в дивизии, вы знаете,– на программу хватит!..

С тем и разошлись в ночи. Тихо так, тенями...

Через месяц, однажды, когда прапорщику Терешко не спалось – его Танька дежурила, да и вообще она в последнее время как-то редко стала допускать его к телу,– прапорщик решил отыгаться, полютовать. Для начала он с десятков раз погонял свою роту на «отбой-

подъём». Дембеля сидели на кроватях и самодовольно, с улыбками Джоконды, подавали реплики, видимо вспоминая свою прошлую «боевую молодость»...

Терешко спичкой о коробок чиркнет, пока та горит – надо успеть раздеться и лечь в кровать. Другой спичкой чирк! Надо по-сумасшедшему вскочить, одеться и построиться...

У «Курского соловья» под ногами горка обугленных солдатских проклятий, а на физиономии – кровожадная улыбка...

Может, так бы эта ночь и закончилась – все нормативы, уставшие за день танкисты перевыполнили, и теперь полумёртвыми затихли под суконными одеялами. Но Терешко, как того Остапа, несло! Решил он докопаться «по-взрослому» до невзлюбившихся ему с первых дней «циркачей». Так, на всякий случай, чтоб «служба мёдом не казалась». А то всем на строевую или на обслуживание машин, а этим, видите ли, в ГДО – Гарнизонный Дом офицеров. Шарашиться там без дела, балду бить! «Знаем, как вы там репетируете! Если б не приказ комдива!..»

Как водится, прицепился за какую-то мелочь к нашим парням, те огрызнулись, а тому только того и надо – объявил всем разом наряд вне очереди! Объект наказания самый что ни на есть знаменитый, самый «почётный» – сортир! Не просто его драить-чистить, а зубными щётками!.. «Вперёд! Время пошло! Отобьетесь за пять минут до подъёма! Я вас научу родину любить!..»

...Туалет наши надраили... Головой прапорщика. Взяли того, перевернули и, как шомполом, почистили солдатское очко...

Больше Терешко не лютовал. Как-то враз изменился. Придёт, проведёт поверку и шмыг к себе в общагу. Потерял прапорщик вкус к службе, скис...

Потянулись для наших дни, похожие один на другой, как бесчисленные близнецы в аттракционе Кио. Ежедневно вечером они по очереди мелом оставляли отметину на кирпичной кладке казармы, которую строили ещё пленные немцы. Очередной день сгорел. На один шаг стало ближе к родному манежу...

Молодость бесшабашна! Кажется, что ей не будет конца!. Это дни тянутся, а годы летят...

Закрутилось, завертелось всё в круговороте событий! Сплотила суровая солдатская жизнь наших парней. Да так, что и дружбой это теперь не назовёшь – что-то большее. Братство... В Дом офицеров на выступления, в самоволку или ещё куда – всегда вместе. Как мушкетёры! На учениях, стрельбах – лучшие из лучших! Образцово-показательные, так сказать, отличники боевой и политической! На них вся надежда, если что. Эти в любой ситуации не подведут! Гордость подразделения! Один недостаток – не живётся им спокойно. Дай что-нибудь вытворить этакое! Артисты – одним словом!

Сами ещё года не отслужили, но молодых бойцов – «салаг» – уже уму-разуму учат. То к зампотеху полка пошлют попросить клиренс (для непосвящённых – это расстояние от днища танка до земли). Зампотех, бывалый майор, матерясь и одновременно удивляясь безудержной фантазии «этих чертей», нагружает новобранцев старыми чугунными батареями. Те пыхтят, тащат в ангары, где танки стоят. То тех же салаг пошлют к нему за ключом 72 на 80. Назад они возвращаются с ломami и кувалдами. И так изо дня в день...

Однажды, когда цирковому экипажу командующий округом за отличную стрельбу на дивизионных учениях объявил по десять суток отпуска домой, а комдив не отпустил, те заставили молодняк прикатить двухсотлитровую бочку с солярой к штабу дивизии и доложить самому комдиву, что «его» приказ выполнен. От экипажа, в составе таких-то и таких-то, бочка для личных нужд командира дивизии доставлена! Как он, мол, и просил – «очищенная, на меду...»

Их, конечно, много раз собирались посадить на «губу», объявляли бесчисленное количество суток ареста, но как их посадишь – экипаж! Пару раз попробовали – зареклись! Они и там вытворяли такое, что комендант гарнизонной гауптвахты взмолился на вторые сутки: «Что хотите сделаю, только заберите!..»

Комдиву то и дело докладывают об очередных «выступлениях циркачей». Он их фамилии уже слышать не может – выучил наизусть. То им за несомненные заслуги присвоят очередные звания, то за не менее несомненное разжалуют до рядовых, то снова вернут лычки на погоны, чтобы через короткое время снова срезать. И так бесконечно!.. Их командир полка то имеет благодарности от высшего командования за воспитание такого выдающегося экипажа, то получает выговор за выговором. Из-за этой бравой четвёрки погоны самого комдива, мечтающего об одной большой генеральской звезде, не раз были на грани потери того, что имелось на плечах...

На башне их боевой машины два скрещённых дубовых листа – эмблема Гвардейской Кантемировской танковой дивизии. Они над листьями присобачили эмблему советского цирка с летящей голой гимнасткой. Из-за этого выговоры от проверяющих. Неуставное! Порнография! Цирк развели!.. Те гимнастку клеивают бумажкой, закрашивают её в цвет танка. После учений и проверок отдирают. Начальство глаза закрывает – пёс с ними! Экипаж отличный по всем показателям, везде первый: на сцене цирковые номера показать, пострелять по мишеням или в морду кому дать...

О них неоднократно рассказывали на страницах всесоюзной «Красной Звезды», ещё чаще в «Красном воине» – газете Московского военного округа. В дивизионной многотиражке «Кантемировец» они популярнее звёзд экрана!..

Решили о них написать очередную статью. Наши уговорили фотографа снять их в неформальной обстановке. Сами выбрали место и ракурс. Сидят, прижавшись друг за другом, ствол танка между ног пропустили, ножки свесили, ручки подняли в приветственном цирковом комплименте. Улыбаются, дуркуют...

Может, тайный смысл нашей четвёрки никто бы и не расшифровал, если бы редакция по просьбе танкистов не озаглавила статью: «Один на всех!..» Конечно, имелся в виду – танк, как в прошлом и цирковой манеж. Об этом в статье и говорилось.

Главного редактора дивизионной газеты по тревоге на ковёр! Комдив от гнева белее госпитальных стен! Орёт иерихонской трубой:

– Какой придурок это фотографировал? И какой мутила-мученик придумал этот заголовок? Вы что, не видите – это никакой не ствол! Нет, это конечно ствол, я бы даже сказал – стволице! Но никакой, ни хрена, не танковый! И ваш долбаный заголовок ни о каком не о танке! Вы прочтите в своей сраной статье финальные строки: «И дорогая не узнает, какой танкиста был конец!..» Эта песня о чём? Вся дивизия ржёт, как кони в кавполку!..

Выяснилось – идея полностью принадлежит героическому экипажу...

У комдива долго копилось! Накипело! Вызывает их как-то после очередного залёта на свой гвардейский ковёр.

Наши стоят по стойке смирно, накачанные груди вперёд выставили. Орлы! Комдив всё это видит, про себя отмечает, любит. Экипаж уникальный, что говорить... Ярится для порядку, кроет неуставными словами для доходчивости. Армия не институт благородных девиц – нечего церемониться. Напоследок выдаёт свой исторический перл, который этим же днём соколом разлетелся по дивизии:

– Вот вы у меня где сидите! – хлопает себе по загривку. – Вы меня то радуете, то расстрелять вас хочется к едрени матери. Это как, если, выражаясь суровым армейским языком, тебе одновременно без наркоза сверлят зуб и делают минет...

– Ух ты! – негромко удивляется один из экипажа. – Надо будет как-нибудь попробовать в нашем медпункте! У комдива багровеет лицо и вылезают глаза из орбит.

Такого громогласия не слышала ни одна армия от сотворения мира!

– Во-о-о-он!!!..

Экипаж покидал штаб дивизии быстрее норматива по эвакуации из подбитого танка!

– Чё это было?

- Ну, ты даёшь! В нашем медпункте работает его жена. Как раз стоматологом!..
- А я знал? Слушай, это та старая крашенная мымра с копной на голове?
- Ну, для нас она, может, и старая...

Глава шестая

Никонов, летая в своих армейских воспоминаниях, впервые за сегодняшний день улыбнулся... Чудили они тогда много! Куража и молодой дури было в избытке!..

Володька встал, открыл шкаф, протянул руку к заветной полке, где лежал его шлемофон, прослуживший с ним всю срочную от начала до конца. Надевал он его исключительно в день танкиста, чтобы, как говорила его бабка Степаниха, «пофорсить» перед всеми.

Шлемофон наделся с трудом – то ли усох за эти годы, то ли в последнее время было слишком много забот и мыслей, от которых голова распухла...

Он плеснул себе в стакан остатки пива и снова улетел в эфирные облака воспоминаний...

...Гороховецкий полигон. Дивизионные учения. До дембеля рукой подать. Они уже ветераны! Известные персонажи на всю дивизию! Предмет подражания и зависти остальных.

Учения закончились. Отвоевались, отстрелялись, сдали оставшиеся снаряды, отчитались, ждут погрузки по эшелонам. Всякий командир знает: солдат без дела – опасная штука для окружающих, потому что в нём начинает просыпаться самостоятельность, безудержная фантазия и неутолимая жажда действия. Поэтому кто-то что-то копает, разбирает-собирает, чистит вверенное ему оружие или ещё что-то делает «отсюда и до обеда»...

Танкистам тоже дана команда почистить стволы. А это значит, гигантским шомполлом-банником с помощью специального раствора-смазки РЧС или по-простому «сала» елозить внутри орудия туда-сюда до зеркального блеска в восемь рук. Занятие муторное и не самое лёгкое. Танки рассредоточены в лесу, близ опушки, на приличном расстоянии друг от друга. Команда передана по рации: «Приступить!..»

Цирковые рассуждают: всё равно, мол, по прибытию в расположение тут же начнутся парко-хозяйственные дни – наелозишься этим самым банником по самую... башню! После учений танки грязнее грязного, номеров даже не видно. Тоже отмывать неделю. Чего тут в лесу выдрючиваться...

Не только голь на выдумки хитра, но и лень тоже не в стороне стояла. Одного из экипажа осеняет гениальная идея:

– Зря, что ли, мы после учений заныкали один холостой заряд! Чё мы, ствол без банника не почистим? Значит так, слушай сюда, как говорят в Одессе. В заряд вставляем буханку чёрного хлеба, стреляем, и всё сияет, как котовые... глаза в ночи!

Сказано – сделано. Парни рискованные! Ствол с казённой частью точно не разорвёт – не с чего, а остальное – даже интересно...

Повозились, зарядили. На всякий случай ствол приподняли. Прикинули: буханка должна пролететь метров триста-четырееста. Никого не должно зацепить. Впереди между деревьями виднеется поле. Там пусто. Рядом тоже. Если что – пойдёшь разберись, кто стрелял?..

Экипаж слаженный, лишних слов нет.

– Внимание! Выстрел!..

В это же самое время из-за лесочка, аккуратно под траекторию огня нашего доблестного экипажа, выезжает «Урал» с фанерной будкой во весь кузов. Это батальонный ПХД – пункт хозяйственного довольствия, машина с продуктами для личного состава. Верховодит, то есть, по-армейски говоря, командует всем этим хозяйством небезызвестный прапорщик Терешко. У того железный принцип: подальше от начальства, поближе к кухне... И надо же такому случиться – приспичило ему вдруг по малой нужде. Отдаёт водителю грозный приказ остановиться.

Только Терешко расчехлил галифе, зажурчал, слышит, что-то с воем летит прямёхонько в его сторону. Бабах!.. Грохот! Треск! Дыра в будке такая, что из неё можно выдавать продукты, не открывая дверей...

Прапорщик собирался по малой нужде, пришлось экстренно присесть по большой...

Оклемався, залез в кузов. Остро пахнет жжёным хлебом. Банки с тушёнкой и прочая снедь разбросаны по полу. Среди них лежит нечто, отдалённо напоминающее обугленную буханку. Прапор чешет чахлую, но мужественную грудь:

– Ёк-макарёк! Чё это было? Метеорит?..

Танкисты оценивают результаты эксперимента, заглядывая в ствол:

– М-да-а... Не вышло. Не блестит. Засрала ещё больше...

Через полчаса по рассредоточенной в лесу дивизии вселенский шухер! ЧП! Кто-то где-то после учений стрелял! Неслыханно! Боекомплекта ни у кого не должно быть. Комдив на газик и прямёхонько к нашим. Ему адрес ясен.

– Опять эти герои, мать их. Больше никому...

До погрузки ещё сутки. Вечереет. Скучно...

– Выпить бы.

– Да ладно, тоже мне пивун. С бутылки пива косеешь...

– Я бы сейчас тоже тяпнул с устатку граммов сто пятьдесят.

– Ну, и какая проблема – вон деревень вокруг, пруд пруди. В каждой избе самогон.

– Так денег нету!

– Давай танк загоним.

– Ты чего, серьёзно?

– А чё! Какой-нибудь дурак найдётся – купит.

– Ну поехали, прокатимся...

– «Арфы нет! Возьмите бубен! От винта!» По местам! – Шацкий нацелился в люк.

– В бой идут одни старики! Сержант! Люк закройте – дует! – послышался ироничный голос Сарелли, юркнувшего на своё место заряжающего. Шацкий нырнул в чрево боевой машины со своей стороны.

– Шах! С-сука! Каблуком! По горбу! – И далее, сдавленным от возмущения и неожиданной боли голосом – тирада крепкого мата от Ангарского.

– Подкаблу-учник!..– резюмировал Никонов.

– Гвардеец! Занимайте своё боевое место стремительно, согласно нормативам! У нас с вами один люк на двоих! Не сушите...– тут Шацкий выдал одно из определений лица товарища, в данный момент обрамлённого шлемофоном и изрядно закопчённого.– Лучше крутите им по сторонам, как я по тримплексам!

– Фил! Обратите внимание – интеллигентные люди! Знакомьтесь! Весь вечер на манеже клоуны: Шах и Мат!..– Сарелли, показал рукой сначала на одного, потом на другого.– Ефрейтор Никонов! Запускайте!

– Есть, товарищ генерал!

– Раскомандовался! Я тут что, для мебели? – Шацкий попытался восстановить свой командирский статус-кво.– По-оехали!..

Крутой разворот через одну гусеницу. На земле чёрный полукруг. Газу! Синий дым из выхлопных! Четыре молодые задницы устремились на поиски новых незабываемых приключений...

Зашли в один дом, в другой. Везде нормальные люди – не ведутся. Наши откровенно уже намекают, мол, для служивых хотят «горючего» привезти – устали. В деревне люди бывалые, учения рядом ежегодно – понимают. Но тоже в ответ намекают, мол, негласный запрет на время учений.

Вплоть до тюрьмы, если что. Потом, сжалившись, шепчут:

– Есть тут один, Семёнычем кличут. Тракторист бывший. Вон его дом. Тот втихую продаёт. Токмо он дюжа прижимистый – куркуль...

Едут по указанному адресу. Траками звякают, моторами ревут. Подъезжают. Стучат. Ведут серьёзные речи:

– Семёныч! Ты, говорят, бывший танкист!

– Не-е, бульдозерист.

– Ну, всё равно родная кровь – мазута, так сказать – болтогрыз! В понимании, значит. Купи танк, всё равно он списан, днями пойдёт на металлолом. Мотор нормальный – только соляру подливай! Ты огород себе и людям будешь пахать – деньги зашибать!

У мужика глаза забегали, загорелись, даже в зарождающихся сумерках видно.

– Сколько, хлопцы?

– Пятьсот рэ!

– Да ну, дорого. Этакие деньжищи! Где я возьму!

– А сколько есть? – наши поняли: клюнул!

– Ну, рублей сто, сто двадцать наскребу, не больше! – сам глаза прячет, явно врёт.

– Ладно, не пропадать же добру! Остальное магарычом!

Семёныч чуть не вприсядку:

– Я мигом, служивые! Вы пока в огород машину загоните! – отодвигает заборчик с колючей проволокой.

Через несколько минут выскакивает весь сияющий – вот два литра первача! На здоровье!..

Стемнело. Луна выкатилась. Собаки брешут, переговариваясь в ночи. Селяне спят – у них подъём с первыми петухами.

Пешие танкисты, крадучись, в огород к Семёнычу. Никонов тихонько к себе в люк на место механика-водителя за рычаги-фрикционы, остальные – на трансмиссию и за выступы руками. Мотор взревел. Башенный прожектор ночь разорвал в клочья. Лихой Т-62 в сорок тонн весом колючую проволоку под себя, как детские прыгалки под ноги. Через полчаса всё стихло. Танк на месте – в капонире, где и был. Хмельной экипаж в спячку, как сурки... .

Утром общее построение. Ищут танкистов, обидевших честного труженика Семёныча. Командир полка выстроил всех своих бойцов.

– Давай, папаша, только укажи, накажем по полной, под гусеницы положим! Мы люди военные.

Папаша идёт вдоль строя и с каждой секундой сереет лицом. Все в чёрных шлемах, в чёрных робах, с чёрными, закопчёнными лицами – братья-близнецы!

– Да как тут угадаешь! Как в инкубаторе!..

– Ты, папаша, поаккуратней с выражениями – это бойцы нашей армии, защитники, так сказать, Отечества!..

Подходит зампотех полка, майор. Мужик тоже не промах, с юмором. Семёныча за рукав и в сторону. Хмурит брови, представляется начальником особого отдела – контрразведка, мол, дивизии! У Семёныча – полные штаны... .

Строгим голосом начинает пытаться бывшего тракториста:

– При каких обстоятельствах вы купили государственное имущество?

– При тёмных. В смысле, когда свечерело – уже коров подоили... .

– А вы знаете о том, что в этом танке секретный прицел, за которым охотятся американцы. Кому вы его показывали?

– Никому. Я туда и не лазил.

– А где гарантия, что вы не продали за это время секретную информацию представителям вражеского НАТО, а? В глаза смотреть, отвечать, не задумываясь! – зампотех вошёл в роль, ну, прям, смершевец на допросе с пойманным диверсантом.

У Семёныча скрутило живот, о чём он и поведал «контрразведчику».

– Сколько отравленного самогона продал? Говори!

Армию хотел погубить?

У Семёныча ноги подкосились. Одна картина рисуется страшнее другой! Срок, видимо, светит пожизненный! А может и того хуже – расстрел! У них это на раз! Ведь предупреждала жена: «Доиграишься-и!..»

– Ни в жисть больше, гражданин начальник!

– Самогон сейчас поедем изыщем, отправим на экспертизу. Если что... Ну ты понял, не маленький. А сейчас – кру-гом! К вон той машине – бего-ом марш!..

...Экспертизу офицеры 13-го танкового полка провели прямо на месте, в лесу. Утром некоторые из них утверждали, что самогон и в самом деле был отравленным...

Комдиву доложили – нашлись доброхоты. Он не поленился, отыскал в лесу наших героев. Парни стоят плечом к плечу. Сверкают зубной эмалью – слышали, что комдив за эти учения таки стал генералом! Наконец-то присвоили! В этом есть и их заслуга...

– Хотел вас наказать – отправить на дембель позже всех! Понял – нет, отправлю первой партией. Иначе, боюсь, мы с вашим комполка до пенсии не доживём... Равняйся! Смирра!! – Новоиспечённый генерал, но пока ещё в полковничьих погонах, берёт под козырёк. – За находчивость и отличную стрельбу на учениях передаю благодарность от командующего Московского военного округа и от себя лично! По возвращении в дивизию будете представлены к следующим воинским званиям!..

По его волевому лицу вдруг пробежала тень, голос дрогнул:

– Благодарю за службу, цирковые! Буду помнить!..

– Служим Советскому Союзу!..

Глава седьмая

Володька Никонов каждое лето проводил у своей бабки Степанихи в деревне. Там раздолье! Знакомые деревенские пацаны, рыбалка, лазания в чужие сады, походы в Долгий лес, где можно было накопать патронов и извлечь дымный порох. В войну бои там шли памятные! Потом – поджигные пистолеты, взрывпакеты и прочая шумная дребедень, через которую проходили многие поколения будущих защитников отечества. Но больше всего ему нравилось работать на подхвате у своего родного дядьки – знатного комбайнёра и тракториста в одном лице. Дёргать рычаги гусеничного ДТ-54, чувствовать, как эта пятитонная махина, рыкая и обдавая сизыми выхлопами солярки, послушна тебе, как лохматый кобелёк Шарик! В этот момент он ощущал себя великаном в стране лилипутов! Особенно Володька прочувствовал всю сельскую романтику, когда впервые в жизни прошёлся до горизонта плугом, оставляя за собой отвалы чернозёма. Дядька сидел рядом, иногда давал советы, чуть трогал ручки, подправляя прямолинейность борозды и своих мыслей. Смотрел, смотрел, шурясь, вдаль... Что он там видел, Володька не ведал. Но глаз у дядьки был влажным, то ли от донского ветра, то ли от солнца, то ли от горьковато-сладкого духа отработанной соляры... Домой он приходил чумазым и с удовольствием вместе с дядькой, невольно подражая тому движениями и побрякиванием, мылся в пожарной бочке с дождевой водой. Детство как-то быстро и незаметно скрылось за горизонтом, как та первая чёрная борозда за косогором...

Когда пришёл призывной возраст, военком поинтересовался, что он в этой жизни умеет делать? Цирк на него не произвёл ни малейшего впечатления, даже, скорее, наоборот. А вот то, что Никонов умел управлять сельскохозяйственными машинами, он оценил по достоинству. Даже похвалил и... отправил его в Ковров, в учебку, где готовили механиков-водителей бронетехники. Недалеко уехал и Шацкий. Оказался рядом, под боком, во Владимире в учебке сержантской. Полгода переписывались, пока потом не попали в один полк и даже в одну роту. Хотелось подтянуть к себе своих пацанов Витьку Ангарского и Сашку Сарелли, которые служили в этой же дивизии, но в разных полках. Много они тогда потратили сил, побегали по армейскому начальству. Но цирк – волшебное слово. Этим ключиком они открыли и эту дверь...

...Никонов после армии приехал в деревню отдохнуть, да чуть было там и не остался. Закружилась голова у парня от навалившейся свободы, молодости и бушующего тестостерона. Лето, солнце, душистая нега сеновала и жаркое тело соседки Нинки, которая неожиданно превратилась из голенастого невзрачного утёнка в грудастую лебёдушку. Ей было всего шестнадцать, но знала и умела она много больше поживших сельских баб. Что она вытворяла... Вовка, до этого никогда не имевший близости с противоположным полом, каждый день открывал для себя сразу обе Америки, Европу, Азию, Африку и даже заснеженную Антарктиду, испробовав позу «пингвина»... Колумбом, Ваской да Гамой, Марко Поло, Джеймсом Куком, Америко Веспучи и Фернаном Магелланом в одном лице для него была та самая Нинка Громова. Про неё ходили разные слухи, мол, по ней полдеревни прошло, с мужиками «шарашится» с четырнадцати лет. Не зря её тут зовут «Гром-баба». Вовка тут же ласково назвал её «ром-бабой» – сладенькая... А если что и было до него – так это ж до него, при нём ничего такого больше не будет – переделает он её, перевоспитает...

Его родная бабка Степаниха, которая всё это время была в эпицентре событий и никак не могла повлиять на любовный гипноз, наконец решилась на «крутой» разговор. Речь её была неторопливой – куда в таком возрасте торопиться! А вот по душам поговорить надо – может, больше и не придётся... Мысль свою она излагала с неподражаемым деревенским говором, который можно услышать разве что в центральной чернозёмной полосе.

– Оух-х, унучек! Золотой ты мой! Ты меня звиняй, старую, что встряваю, токма послухай – чай ни чужия! Долго уже живу, многое повидала! Кой-чѐ знаю-ведаю – дурного не присоветую.– Бабка загремела какими-то длинными приспособлениями, стала их доставать по одному снизу из-под печи.

– Кажнаму человеку в этой жизни своё! – Она стала демонстрировать свою наглядную агитацию.– Вот – чапля! – Степаниха взяла в руки «инструмент» с деревянной ручкой метра полтора длиной и с каким-то металлическим приспособлением на конце.– Ею можна токма сковороды из печи таскать. Чугунок не выташишь – ухват нужѐн.– Она показала другую палку с круглыми металлическими рогами на конце.– Вот он какой! На чѐрта похож – прости, господи! И энтим, и тем, канешна, можно поленья пошурудить в печи, чтоб огонь пожарче! Токмо золу ими не выгребишь – замаишьси! Тута кочерга нужна... Так что, унучек, ничаго ты не исправишь и никаго не переделаешь. Нету для неё у тебя струмента. Опоздал ты ровно на стока, скокма она живѐт. Скажу грубо, по-деревенски, а ты запомни: с чем её высрали, с тем она и засохня... Яжжай в свой цирк. Тама ишиши своё счастье! Зачем табе деревня? Ты – городской! Как и твой отец...

Но младший Никонов, как говорится, закусил удила. Через месяц бессонных угарных ночей совсем ошалевший Володька потребовал от родных свадьбы. Те слетелись, как потревоженные мухи на мѐд, хором утверждая, что это вовсе не мѐд, а самый что ни на есть банальный навоз...

Отрезвил его, и то не сразу, поход в венерический диспансер...

Нинка предусмотрительно исчезла из села, как будто тут никогда и не жила. Поговаривали, что она рванула куда-то к нефтяникам, мол, у ней там хахаль был – приглашал. Вовка Никонов послушался своей бабки Степанихи и подобру-поздорову рванул в свой цирк...

Глава восьмая

– Ну, хорошо, понимаю, этим людям мы не можем помочь. Но с Ангарским можно что-то придумать? – Шацкий вкрадчиво, почтительно, но настойчиво гнул свою линию перед Генеральным Росгосцирка. – У него высшее образование. Заслуженный артист России! Был очень хорошим эквилибристом, весьма уважаемым среди своих цирковых коллег. Ангарский – это имя! Он принесёт много пользы.

– Хороший эквилибрист, к тому же в прошлом, не показатель и не аргумент. И заслуженностью не козыряйте. Совсем не обязательно, что он будет таким же успешным управленцем. Это другая профессия. Нам нужен работник. Слышите! Ра-бот-ник!.. Думаю, лучше взять человека со стороны. Безопаснее и не так хлопотно. Какие гарантии, что этот ваш протеже не станет мерить всё своим цирковым аршином? Нам нужна корпоративная этика. Команда! Где нет анархии и иных мнений – всё подчинено общему делу! Понимаете меня?

– А я о чём? Он знает цирк изнутри, его специфику. Дисциплинирован, обязателен, пунктуален!

– А он сможет принимать непопулярные решения, которые зачастую не в пользу артистов? Не взбрыкнёт, не упрётся, так сказать, рогом? Таких решений придётся принимать не один десяток. Времена сейчас сами знаете, какие. Не до церемоний – выжить бы! У нас ведь цели высшие, и масштабы не чета размерам вашей арены. У нас арена, так сказать, мировая.

– А жизнь простых людей – артистов, служащих – разве не высшие цели? Простите за патетику, но, глядя на землю из космоса, людей не увидишь. А они там живут. Для чего же тогда мы все? Ради чего и кого мы тут работаем?

– Жаль, что вы не понимаете до сей поры элементарных вещей. Мы – государственные люди. Цели и масштабы у нас государственные. Не всегда чаяния одного человека совпадают с проблемами всего народа в масштабах страны!

– Ещё раз меня извините! Но народ состоит из отдельных людей – вас, меня, наших родных. Жизнь и состоит из наших проблем и желаний. Разве не так?

– Вы меня сейчас несколько разочаровываете. Я в сомнениях – верное ли я принял решение по вашей кандидатуре, когда принимал на работу? Вы, исходя из ваших слов и позиций, оказывается, романтик и идеалист. Государственный чиновник должен быть нейтрален и малоэмоционален в принятии своих решений. Он обязан исходить из высших соображений и целей. Для него важен конечный результат общего блага, а не некой абстрактной единицы. Нельзя никоим образом расплывать усилия, поддаваться сиюминутным эмоциям и демагогии.

Государственные интересы превыше всего, слышите – государственные! В вашем сознании должны представляться истинные цели и государственные масштабы! Сюда требуется направлять свою энергию! Именно этим отличается настоящий чиновник от простого человека!.. Да-а, Шацкий, озадачили вы меня! Я буду думать...

Никонов через несколько недель заглянул в Главк к Шацкому. Позвонил ему в отдел снизу от охраны, тот дал распоряжение пропустить. Сделал он это с явной неохотой...

...Володька внутри звенел, как натянутая струна.

– У нас, у вольтижёров, чтобы бросить партнёршу вверх, надо крепко держать друг друга за руки – крест накрест. Если руки сцепить некрепко, она при приземлении их разорвёт, пробыёт сцепку, упадёт на манеж. А это – травма! Так и мы. Нельзя нам расцеплять наших рук – погибнем!..

Все подозрения насчёт Влада подтверждались всем его видом, каждым его словом и даже тем, что он не договаривал. Он был странным, скользким, отдалившимся! Совершенно не тем парнем, мужиком, которым его знали все эти годы!.. А ведь они тогда, в армии, на первом году

службы, набили себе татуировки с текстом из заповедей Христа: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя»...

– ...Здравствуйте, Владислав Борисович! – кто-то из проходящих артистов подобострастно заглянул в глаза новоиспечённому чиновнику, заискивающе улыбнулся и тут же серой мышкой проскочил мимо. Влад успел вежливо и величественно кивнуть, артистично улыбнуться своей фирменной «мармевладной» улыбкой, которая всегда впечатляла, особенно слабый пол. Тяготивший друг друга разговор через паузу продолжился.

– Можешь понять, ты, Владислав Борисович, что парень гибнет? – Никонов уже почти перешёл на крик, глядя в карие глаза Шацкого, которые были завешены какой-то непроницаемой ширмой. – Ему помощь нужна! Наша с тобой помощь!

– Ничем не могу помочь! Понимаешь? Ну, ни-чем!.. – Шацкий это не сказал, а словно плюнул болью! И тут же снова замкнулся, отвёл глаза, по-дурацки улыбаясь. Никонов расценил это всё по-своему, завёлся и сдерживался из последних сил.

Шацкий, вдруг, словно дико устав, опустил плечи, сказал холодно и отстранённо:

– Как говорится – ничего личного, друг! Только бизнес! Такая работа...

– Надпись покажи! – приказным тоном потребовал Никонов.

– Что?.. Какую ещё надпись?

– Нашу! Армейскую!

– А-а, эту... Долго расстёгивать, запонки снимать...

– А мне не в падлу! – Никонов мгновенно скинул с одного плеча куртку, задрал рубашку, оголив внушительный бицепс. Там в несколько синих строчек был наколот их девиз. Никонов ткнул пальцем в плоть!

– «...аще кто положит душу свою за други своя»! Освежи дырявую память, паскуда! – Никонов, сам того не осознавая, коротко, без замаха ударил Шацкого в челюсть. Того повело в сторону.

– Никакого бизнеса, «друг»! Только личное!..

– Ты, что, сдурел? По лицу! Фил! Совсем с ума сошёл?

– Тебе на манеж не выходить! А в кабинете можешь и с разбитой рожей сидеть. По крайней мере, цирковые будут видеть, с какой сволочью им приходится иметь дело! Иди, работай! Служи, Иуда!..

Никонов круто развернулся и, одеваясь на ходу, пошагал вниз по помпезным ступенькам главковской лестницы, по которым многие шагали до него и будут шагать ещё. Сколько же здесь людских судеб стремительно взлетело вверх и устремилось вниз за эти годы! Все ступеньки, отполированные временем и подошвами цирковых, были своеобразными вехами прожитых ими лет, с судьбами состоявшимися или с незаметными биографиями простых тружеников манежа. Чрево Главка – старинного доходного дома в центре Москвы, где некогда был элитный бордель, – привычно глотало приходящих сюда людей, переваривало и через какое-то время выплёвывало изжёванными и выпотрошенными на льготную пенсию. Цирковая молодость, а вместе с ней и жизнь пролетали, как утренние представления. Никто не успевал опомниться, как надо было уже выходить в прощальном эпилоге...

Он шёл, ничего не замечая вокруг, играя желваками и стирая зубную эмаль. В нём бушевала ярость: «Как он мог! Продался за три копейки! Начальником стал! Предал всех! И когда? Когда больше всего нуждались в его помощи! Иуда он и есть Иуда!..»

Глава девятая

Ребята сидели у Ангарского, отпаивали того крепким чаем на травах. В последнее время Витька стал приходить в себя – побрился, привёл квартиру в порядок. Он был ещё слаб, с соловельным взором, но явно шёл на поправку.

Главное, что в его речах стали сквозить нотки уверенности, и он даже стал строить кое-какие планы. В студии, где создавались от Главка новые номера и аттракционы, пытались возродить номер, который когда-то работал сам Ангарский. С ним созвонились, пригласили поработать консультантом. Деньги, которые они назначили за работу, едва покрывали затраты на метро туда и обратно. Студия, некогда процветающая, теперь влачила жалкое существование. В Росгосцирке всё никак не могли решить – нужна ли она вообще?..

Это был звонок с того света!.. Пусть хоть и условная, но это была – работа! Знакомая! По душе и по сердцу! Витька дал согласие не задумываясь, и днями был готов приступить...

Никонов тоже поделился радостью. Леонид Леонидович Костюк, директор цирка на проспекте Вернадского, не обманул! Позвонил старому мастеру вольтижа и воздуха. На его манеже готовился номер молодой перспективной воздушной гимнастки. Нужен был опытный пассивщик-репетитор, которому можно было бы без всякого риска для жизни доверить страховочную лонжу. В этом Никонову не было равных. Он и своей Ирке сколько раз ассистировал! А там вообще – воздушный полёт! Платили тоже не густо, но платили. К тому же, цирк в двух остановках на метро от дома. Вечером даже оставалось время потаксовать по Москве или, как было модно говорить, «побомбить». На вечно хворающем «Опеле» иногда удавалось что-то заработать, если только его ремонт не съедал всё и сразу...

Сашка Сарелли о своих достижениях скромно умалчивал. Все его успехи складывались в стопочки исписанных листов бумаги с лирическими новеллами о цирке. Он, законченный романтик, писал много и самозабвенно. Тут выпускал свой пар... «Пусть наша плоть недужна! Пусть безысходна тьма! Но что-то делать нужно, чтоб не сойти с ума...» – увещевал он себя и своих друзей строками поэта Бориса Чичибабина.

Вот и в этот раз он взял гитару Ангарского, доставшуюся тому от отца, покрутил колки, поковырял струны. Старенькая, но надёжная «Шиховская» отозвалась мелодичными переборами. Сашка тёплым тенором запел:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.